

Заслуживает внимания теория доминирования личностных свойств политического терроризма Р. Гессарта-Матичека и К. Кюхнерта, которые считают, что сегодня имеет место глубокий психологический кризис западного индустриального общества. Симптомы этого «заболевания» – безработица, переполненность школ, ограничение прав и свобод граждан, а так же взаимное отчуждение и равнодушие людей, антигуманистический дух меркантилизма и потребительства. В этих условиях параноидальные компоненты в мотивации террористической активности превалируют над философско-политическими.

Таким образом, в процессе глобализации общества уже сегодня можно наблюдать ряд деструктивных факторов, которые деформируют и даже разрушают его отдельные структурные компоненты и могут привести социум к частичной деградации. В последние годы эти факторы все более заметно проявляют себя в различных сферах общественной жизни. Следовательно, их анализ, а также прогнозирование возможных последствий представляются весьма актуальными как для науки, так и для практической деятельности.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ КАК СИМВОЛОВ ПРОПАГАНДЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Медиченко Л.Е.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Для становления и развития любой нации нужны герои – люди (образы), на которых будут равняться и гордиться все ее представители. Герой, литературный или национальный, представляет собой не конкретного человека, а некий идеальный образ, который является эталоном для нации. Именно идеальный образ, а не его реальный прототип, является национальной гордостью, т.к. национальный герой, обрастая легендами и мифами, воспринимается уже как некий сверхчеловек с идеальной биографией. Образ героя начинает транслироваться в художественной литературе, восприятие этого образа становится определенным шаблоном [3].

Литературные образы. Формирование белорусской нации и национальной культуры не было простым и легким. Белорусская нация формировалась как земледельческая в своей основе, что обозначило своеобразный тип культуры и стиль мышления. Точно отраженный в художественной форме тип культуры, который определяется особым способом освоения пространства и времени, убедительно продемонстрировала миру белорусская национальная литература. Для белорусской литературы (и не только для литературы, а и для нации в целом) произведения «пра вёску» всегда имели фундаментальное значение. Именно образ белоруса-крестьянина, заложенный еще в социально-бытовой сказке, в качестве образа типичного представителя нации был перенесён в национальную литературу [12, 25]. Используя историко-эполюционный и типологический метод анализа в социально-бытовых белорусских сказках можно выделить следующие символы жизни типичного селянина:

а) наличие символа противника в социальной жизни (на этом месте выступают паны, ксендзы, попы, чёрт, чиновник, царь, генерал). Зачастую противнику приписываются такие качества, как глупость, неряшливость и неопытность. Часто это злые, ненавидящие крестьян люди, наказывающие их за малейшую провинность;

б) следующим символом можно назвать терпение. Селянин не сопротивляется давлению и насилию, он его терпит. Терпение выступает как особая форма сопротивления. Она достаточно характерна для крестьян, вынужденных терпеливо обрабатывать свою землю [6, 148]. Вместо сопротивления злу, селянин зло обманывает;

в) еще один яркий символ – тихость. Это качество, связанное с терпением, однако имеет действенный оттенок: своей цели крестьянин стремится добиться незаметно, изловчиться. Открытое и честное достижение цели презирается, считается недостойным и смешным;

г) следующий символ – хитрость. Для того чтобы действовать тихо, из-под полы, надо уметь обманывать и хитрить. В советский период и до сих пор устоялось мнение, что это является показателем крестьянского ума и смекалки [12, 22]. По сути, в большинстве случаев, хитрость выступает главным способом действия. Обмануть, подставить, сбежать, перехитрить – достоинство, а не порок. В социально-бытовой сказке белорусы обманывают всех и вся: пана, ксендза, попа, бога, черта, соседа, родственника и т. д. Обман приобретает даже статусную характеристику. Так, обмануть простого человека считается меньшей честью, чем высокопоставленного генерала или чиновника [12, 24]. Таким образом, можно подчеркнуть, что уже в аксиологических нормах белорусских сказок через образ основного «положительного» героя – селянина формируется установка на такие принципы как: тихость, хитрость, неуважение к представителям власти и высокой образованности, грубость и вместе с тем осторожность, доброта, переходящая в добродушие, высмеивание глупости, нечестности и неумения [5].

Необходимо отметить, что не только белорусские сказки, но и произведения профессиональных белорусских писателей переполнены подобными образами. Лучше всего это проявлено в лейтмотивном стихотворении классика белорусской литературы Янки Купалы «А хто там ідзе?»: «... А хто гэта іх, на адзін мільён, / Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон? / – Вяда, гора. / А чаго ж, чаго захацелась ім, / Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім? / – Людзьмі звацца» [14]. Именно такой жалостливо-унижительной образ являлся лейтмотивом не только произведений белорусских писателей, но и зарубежных. Очень ярко этот образ характеризует отрывок из поэмы Николая Некрасова «Железная дорога»: «...Видишь, стоит, изможден лихорадкою, / Высокорослый больной белорус! / Губы бескровные, веки упавшие, / Язвы на тощих руках, / Вечно в воде по колено стоявшие / Ноги опухли; колтун в волосах; / Ямою грудь, что на заступ старательно / Изо дня в день налегала весь век... », / «... Не разогнул свою спину горбатую / Он и теперь еще: тупо молчит / И механически ржавой лопатою / Мерзлую землю долбит...» [15]. Взгляд на белорусов соответствует образу несчастного и забитого края. Это связано было с тем, что образ белоруса срисовывался с самых бедных представителей населения. Видение белорусов «извне» состояло в их чувстве отсталости и забитости: «...на историческую сцену выходит народ, который в течение долгого времени способен был противопоставить напору чуждых ему стихий только пассивную силу – народ бедный, угнетенный, загнанный, измельченный физически и морально... Посмотрите на измученное лицо здешнего крестьянина, на его низкий рост и худое тело, на лохмотья, в которые он одет; на поспешность, с которой он бросается вам под ноги, а потом целует руку – посмотрите, и вам будет понятна та тема унижения, в которой он оказался» [13, 58]. Впоследствии данный образ был с лёгкостью принят большевиками, так как отвечал задачам классовой революции.

С приходом в литературу Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, М. Горецкого положение несколько меняется. «Литература конца 19 – нач. 20 в. ... показывала белорусу его самого в исторической перспективе и ретроспективе, формировала его честь и достоинство, национальное самосознание, самоуважение, и придавала ему имя Человека и Человека-Белоруса. В конце концов, литература выразила красоту и вечный божественный смысл его национальной жизни» [1; 7]. Поэтизация и сакрализация целостности духовного мира крестьянина, его жизненной силы [10] – именно та линия в белорусской литературе сыграла «защитную для национального менталитета роль» [7, 6].

Именно классики белорусской литературы в своем творчестве через «...диалектическое отрицание фольклорного наследия как стиля мертвой традиции» отразили трансформацию фольклорного образа забитого белоруса, несчастья и бедность которого выступали как результат несвободы. Через творческую переработку фольклора Я. Купала способствовал формированию нового понимания образа белоруса, в котором достижение его благополучия видели в свободной жизни («Хто-ты гэтки?», «Мужык», «Маладая Беларусь», поэмы «Гусяляр», «Курган», «Бандароўна»). Творчество еще одного классика белорусской литературы Якуба Коласа отразило «художественный диалог духовно пробужденных людей» в процессе «историзации действительности через художественное мифоромантическое постижение прошлого (поэмы «Новая зямля», «Сымон-музыка» и др.) [2]. Тем самым классики белорусской литературы Я. Купала и Я. Колас сделали «выход за границы многовековой народной культуры» [2] и заложили основы нового понимания и отношения к образу белоруса.

Неоспорима роль В. Короткевича в оформлении нового образа белоруса в литературе. Историческая проблематика в его публицистике и художественном творчестве не могла не способствовать пробуждению самосознания белорусов, чувства их гордости за родину [11, 108]. Он принудил белорусов понять, что они настоящие граждане земли, уничтожив стереотип «...бо я мужык, дурны мужык» [11, 107].

В советский период развития белорусской литературы особое место отводилось глорификации героев Великой Отечественной войны и формированию образа Беларуси как «партизанского края». Особняком здесь стоят образы «негероических» героев В. Быкова. В его произведениях о человеке на войне по-особому раскрывается человеческий потенциал: что может сделать человек, чтобы в любой ситуации оставаться самим собою? Это ситуации на пороге «жизни и смерти», «верности и предательства», экстремальных условий, ситуации на рубежах добра и зла, на границе человеческого возможностей. В своем философском осмыслении войны как «знака беды», от «окопной» правды писатель шел к пониманию символа беды – это «расчеловечение» индивида.

Пантеон исторических героев. В становлении национально-культурных ценностей особое значение приобретает пропаганда референтных личностей, представляющих собой персонифицированное воплощение духовных традиций и ценностей белорусской культуры. Так, еще в ходе социологических исследований, проведенных в Минске в 1990 г. и приуроченных к празднованию 500-летия со дня рождения Ф. Скорины, только 40,5% опрошенных граждан смогли ответить на вопрос о его роли в белорусской культуре; 15,9% – назвали лишь имя выдающегося просветителя, а 42,5% респондентов, участвовавших в опросе, ничего не слышали о творчестве уроженца Беларуси, юбилей которого по решению ЮНЕСКО отмечался во всем мире [8].

Результаты опроса студенческой молодежи в 2007 г. показали, что ситуация отношения к героям, репрезентирующим образ нации, изменилась. В ответе на вопрос: «Какими историческими деятелями культуры Беларуси мы можем гордиться?» 80% респондентов назвали Ф. Скорину, 40% – Е. Полоцкую, 20% – К. Туровского, С. Будного, М. Гусовского, Т. Костюшко, 10% – В. Быкова и К. Калиновского [9]. Нельзя сказать, что ситуация к 2011 г. кардинально изменилась. Следуя логике курса «Гісторыя Беларусі», к перечисленному выше пантеону национальных героев сегодня студенты добавляют имена отдельных князей (например, Миндовга, Витовта и др.) и деятелей периода ВКЛ. Как отмечает Гронский А.Д., «...пожалуй, первым «белорусским национальным героем» стал К. Калиновский – один из руководителей польского восстания 1863–1864 гг. в Северо-Западном крае. образу Калиновского придали белорусские черты, назвав его Касцюком, а позже Кастусём. Деятельность Касцюка/Кастуся стала постепенно наполняться мифической борьбой за независимость белорусского наро-

да» [3]. Образ белорусского героя Калиновского в то время был выгоден по нескольким причинам: во-первых, для мобилизации этноса нужен символ. Желательно символ из прошлого, так как ныне живущий символ может дискредитировать себя. Во-вторых, символ должен быть «идеальным белорусом», поэтому современники символа не должны были рассказывать о нём правду. В-третьих, белорусский символ (в понимании того времени) должен был иметь явную антирусскую направленность, чтобы обосновать в новой белорусской идее противодействие широко бытовавшему тогда утверждению о триединстве русского народа [3]. Но сегодня в научном мире идут споры вокруг фигуры К. Калиновского. Все чаще и чаще вспоминают Т. Костюшко. Таким образом, можно констатировать, что данная попытка, как и другие, менее удачные, не были убедительны.

Что касается типологии образов героев, то необходимо подчеркнуть, что они (фольклорные образы и образы героев на ранних этапах развития национальной литературы) прежде всего, были обращены к наиболее низким социальным слоям общества, которые занимают нишу, стоящую ниже среднего уровня бедности [4]. В процессе разработки и формирования белорусской национальной героики преобладало стремление найти таких персонажей, которые бы могли своей жизнью и поведением подчёркивать отдельность белорусов от русских или поляков. Поэтому зачастую получалось так, что у «героев» есть одна выгодная для белорусского национализма черта – антирусская направленность деятельности. Также случилось и то, что большинство людей, которыми гордятся белорусы, положили свои труды на алтарь чужих отечеств [3]. Согласно общепринятым тенденциям конструирования национального образа-символа, герой должен обладать, кроме всего прочего, элементом трагизма: умереть за родину, сражаясь с превосходящими силами врагов, погибнуть под пытками, но не отречься от великой идеи, и т.д. Вариантов трагизма множество. Но так сложилось исторически, что белорусский национализм старался не конфликтовать с реальной властью и больше был культурно-просветительским явлением, чем общественно-политическим [3]. А в советский и постсоветский период речь больше идет не о конкретных исторических персонажах, а о коллективном портрете нации.

Заключение. Таким образом, можно сделать некоторые предварительные выводы. На ранних этапах становления белорусской национальной культуры референтные стили жизни – своеобразные типизации, объединяющие в себе характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории были ориентированы на наибеднейшую часть населения. Белорусский национальный герой в мифе и сказке (в качестве источника образа) был обращен к наиболее бедной и отсталой части населения, поэтому образ мифологического и сказочного героя был создан с перениманием множества негативных признаков бытового характера. Результатом стало формирование негероической нации, с отсутствием волевого элемента. Этим в частности, можно в определенной степени объяснить такую черту характера, как «памяркоўнасць» белорусов [5].

Попытка создания пантеона белорусских героев в начале XX в. оказалась безуспешной. При создании пантеона белорусских героев не удалось связать деятельность конкретного персонажа истории с обоснованием того, что эта деятельность была на благо суверенного белорусского народа [3]. Отсутствие героического элемента в начале XX в. (на этапе формирования национальной идеи) было частично компенсировано глорификацией героев Великой Отечественной войны и формированием образа Беларуси как «партизанского края». Также определенная компенсация была достигнута в ходе создания мифа о белорусском характере Великого княжества Литовского и славном героическом прошлом белорусского народа. Однако два данных образа – коллективного героизма в годы Второй мировой войны и славы ВКЛ – не стали систе-

мообразующим элементом пантеона белорусских героев [5]. В настоящее время белорусская героика в основном построена на достижениях советской идеологии, смешанной с национальным романтизмом периода 90-х гг. XX в.

Список цитированных источников

1. Багдановіч, І.Э. Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І.Э. Багдановіч. – Мн.: Бел. навука, 2001. – 387 с.
2. Вашко, Л. Мітарамантызм і гістарычная рэчаіснасць / Л. Вашко // Маленькі сшытак Лявона Вашка [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://kamunikat.org/galounaja.html>. – Дата доступа 03.02.2012.
3. Гронский, А.Д. Белорусская национальная героика: взгляд в историю. – Режим доступа: <http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=45417>
4. Дугин, А. Структурная социология. – Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/180509172730.xhtml>.
5. Задруцкий, Е. Белорусский национальный миф как проект мистического ноктюрна // Е. Задруцкий. – Режим доступа: <http://against-postmodern.org/zadrutskii-e-belorusskii-natsionalnyi-mif-kak-proekt-misticheskogo-noktyurna/>
6. Кириенко, В.В. Менталитет современных белорусов / В.В. Кириенко. – 2-е изд. стер. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2005. – 225 с.
7. Корань, Л. Цукровы леўнік: Літ.-крыт.арт. – Мн.: Маст.літ., 1986. – 286 с.
8. Літаратура і мастацтва. – 23 лютага 1990.
9. Медиченко, П.Е. Символы белорусской культуры глазами молодежи // Kultura-gospodarka kształcenie. Wybrane problemy państw Europy Środkowo-Wschodniej w dobie globalizacji. – Białystok, 2006. – С: 64–68.
10. Мельнікава, А.М. Этнакультурнае ў творах Кузьмы Чорнага / А.М. Мельнікава. – Режим доступа: http://www.bdpu.org/scientific/published/ukr_lit_2008/Melnikava/ Дата доступа 12.11.2011.
11. Нарынкевіч, Н.В. Нацыянальная ідэя ў публіцыстыцы Уладзіміра Караткевіча / Н.В. Нарынкевіч // Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія. – 2006. – № 2. – С. 107-112.
12. Сацыяльна-бытавыя казкі / Акадэмія навук Беларускай ССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 519 с.
13. Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. – Менск: Навука і тэхніка, 1993.
14. <http://www.belarus-misc.org/zinowjew/Kupala/Cyrillic/hto.html> Янка Купала. А хто там ідзе?
15. <http://www.litera.ru/stixiya/authors/nekrasov/papasha-kto-stroil.html> Н. Некрасов. Железная дорога.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Мельниченко Ю.С.

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь

В условиях идущих со второй половины XX века в планетарном масштабе системных трансформаций общества выявляются существенные черты нового, глобального пути цивилизационного развития. Его отдельные аспекты осмысливаются в концепциях постиндустриального, информационного, инновационного общества. Согласно общей логике данных концепций, будущая цивилизация является постиндустриальной по экономическим параметрам, глобальной по характеру межгосударственных отношений, информационной по значению коммуникаций, инновационной в соответствии с динамикой развития. Важным дополнением к этим характеристикам служат понятия «техногенное общество» и «общество знаний», акцентирующие внимание на роли науки и техники в области рационализации общественного бытия. Все указанные тенденции в определенной мере связаны с широким использованием научных подходов